

Воспоминания заключенных ГУЛАГа: поэтика, жанровая структура, историко-культурный контекст

В то время как лагерная проза давно приобрела статус полноправного объекта филологических исследований, воспоминания узников ГУЛАГа до сих пор находятся за границей актуального проблемного поля. Из области, обычно интересующей филологов, они выпадают в силу своей «нелитературности» — как формальные характеристики этих текстов, так и обстоятельства их создания и бытования определяют их восприятие скорее как исторических источников, нежели как произведений литературы. Внутренне ощущаемая необходимость рассказать правду о пережитом опыте в пространстве «организованной лжи», о котором писала Ханна Арендт¹, определила не только прагматику воспоминаний, но и их поэтику — фактографичность, установку на подлинность, отказ от фикциональности и других приемов, которые бы делали текст похожим на художественный.

Однако исследовательский потенциал воспоминаний как исторического источника не так неоспоримо однозначен, как может показаться на первый взгляд. В отличие от дневника, где описываемые события и момент их фиксации совпадают по времени, воспоминания пишутся спустя годы — по памяти, а потому для них характерны все особенности памяти как когнитивного процесса: избирательность, эмоциональная обусловленность, подверженность трансформациям под влиянием увиденного или услышанного впоследствии и т.д.

Тем плодотворнее представляется изучение воспоминаний с точки зрения того, *что именно и как* вспоминали люди, т.е. изучение их поэтики. Как представляется, именно филологический инструментальный анализа языка и категорий дискурса способен пролить свет на то, каким образом воспоминания связаны с культурным и политическим контекстом своего времени, какова их жанровая структура и генеалогия. Эти три направления исследования, вынесенные в название работы, будут интересовать меня в первую очередь.

Основные источники исследования представлены тремя группами: это воспоминания обычных людей, непрофессиональных писателей, размещенные на сайте Сахаровского центра; воспоминания, опубликованные отдельными книгами (как, например, «Хорошо посидели!» историка Даниила Альшица); и воспоминания, хранящиеся в архивах (в частности, в фондах Музея политической истории России) и

¹ Арендт Х. Истина и политика // Арендт Х. Между прошлым и будущим. Восемь упражнений в политической мысли. М.: Издательство Института Гайдара, 2014. С. 348.

до сих пор не введенные в научный оборот. Всего будет проанализировано порядка ста текстов. Являясь частью литературы в широком смысле этого слова, или, иными словами, репрезентируя маргиналии литературы советской эпохи, воспоминания представляют собой для литературоведа такой же интерес, как и входящие в канон тексты². Рассматривая их в окружении произведений своего времени, мы можем уточнить представление о поле литературы советского периода, а также об особенностях (о «порядке», если воспользоваться термином М. Фуко) советского дискурса.

Разнородный материал, привлекаемый к анализу, требует тщательной проработки методологии исследования. Первая из трех глав диссертации будет посвящена обоснованию теоретической рамки работы, а также выяснению эпистемологической ценности в отношении исследования воспоминаний категориального аппарата, применяемого в культурной истории и *trauma studies*. В частности, будет привлечена концепция советской субъективности И. Халфина и Й. Хелльбека, которые рассматривают эго-документ как источник, рассказывающий о формировании собственного «Я» пишущего, и также апеллируют к необходимости видеть в нем не обычную хронологию событий, а «комплексное повествование, значимость которого может быть раскрыта только при его анализе как литературного целого»³.

Как представляется, продуктивным будет сравнение ключевых характеристик воспоминаний (особенности поэтики и построения нарратива, используемые риторические фигуры и средства образной выразительности, сюжетные мотивы и т.д.) с двумя основными группами произведений художественной литературы, на которые «смотрят» / откликаются эти тексты — это лагерная проза и соцреалистический роман. Этому сравнению будут посвящены вторая и третья главы работы.

Как и произведения, объединенные впоследствии собирательным определением лагерной прозы, воспоминания заключенных ГУЛАГа также «были задуманы авторами и приняты читателями как исторические свидетельства, как своего рода первоисточники»⁴.

² Осознание необходимости для исследователя выйти за рамки литературного канона не так ново, как может показаться сегодня. Так, еще в начале XX века выдающийся библиограф С. А. Венгеров в предисловии к своему колоссальному по охвату персоналий словарю писал: «Я считаю совершенно ненаучным изучать литературу только в крупных ее представителях. Что бы вы сказали о зоологе и биологе, который законы жизни будет изучать только на слонах, тиграх, львах и медведях, пренебрегая зайцами и кроликами?» [Венгеров С. А. Критико-библиографический словарь русских писателей и ученых. Изд. 2-е. Т. 1. СПб., 1915. С. XV].

³ Халфин И. Автобиография большевизма: между спасением и падением. М.: Новое литературное обозрение, 2023. С. 39.

⁴ Токер Л. Лагерная литература и ее читатель. URL: https://www.booksite.ru/varlam/creature_03.htm (дата обращения 29.11.2023).

Однако сегодня, когда эта прагматическая цель отступает на второй план, на первый выходит их эстетическое значение, и современный исследователь, как утверждает Леона Токер в статье «Лагерная литература и ее читатель», должен обратиться к анализу художественных особенностей текстов. Такая же трансформация исследовательского подхода необходима в отношении воспоминаний: и несколько листов, написанных «в стол», для сохранения в личной или семейной памяти, и опубликованная книга, — это результат творчества автора, его социальное высказывание, которое может быть проанализировано с помощью категориального аппарата литературоведения. Инструментарий *trauma studies*, использовавшийся в том числе для анализа литературы свидетельства⁵, также может быть полезным для исследования поэтики воспоминаний заключенных ГУЛАГа: детальность повествования, обилие имен и фактов, попытка рационализации прошлого, примирения с ним или отказ от его проговаривания — все это является одновременно и чертами поэтики текстов, и репрезентацией специфического отражения травматического опыта.

Наконец, третья глава работы будет посвящена историко-культурному контексту создания и бытования воспоминаний. Особенно важным мне представляется обозначить то влияние, какое соцреалистический роман как «культурный текст» советского общества оказал на нарративные и сюжетные структуры воспоминаний. Труд, любовь к родине, преданность революционным идеалам, безграничное доверие к власти, значимость «структурных родственников», — все эти категории соцреалистического романа в той или иной степени находят свое развитие и на страницах воспоминаний заключенных ГУЛАГа.

Обосновывая важность архивных источников для истории чтения, Р. Дарнтон утверждал: «Вам может попасться материал, не встраивающийся в принятую картину того, как все было устроено. Такая картина похожа на гигантскую мозаику, где большинство смальт потеряны... <...> Вставьте какой-нибудь неожиданный материал, выкопанный в архиве — и очертания внезапно изменятся...»⁶. Этот тезис, как представляется, справедлив и в отношении воспоминаний заключенных ГУЛАГа. Исследование большего количества источников, расширение списка вопросов, которые должен будет задавать им исследователь, способно не только прояснить взаимосвязь художественной литературы, актуального политического дискурса и воспоминаний, но и уточнить представление о литературно-политическом процессе советской эпохи в целом.

⁵ См., напр.: [Felman Sh., Laub D. *Testimony. Crisis of Witnessing in Literature, Psychoanalysis, and History*. New York and London: Routledge, 1992].

⁶ Дарнтон Р. Семь веских причин не работать с рукописями / пер. А. Костина // Своими словами. 2023. № 5. С. 23.